

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

С.С. Субботенко

*Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры романо-германской филологии
e-mail: swetlana30@mail.ru*

Курский государственный университет

Статья посвящена исследованию исторического дискурса в контексте автобиографической прозы. Одним из рассматриваемых вопросов является стилистическая принадлежность исторического дискурса. Анализируются языковые и речевые средства реализации исторического дискурса в речевом жанре «дневник». Материалом исследования послужил дневник австрийского писателя Стефана Цвейга.

Ключевые слова: *исторический дискурс, автобиографическая проза, речевой жанр «дневник», исторические реалии, антропонимы.*

Исторический дискурс долгое время находился на периферии дискурсивных исследований в области лингвистики. Но в последние годы наблюдается значительное повышение интереса исследователей к историческому типу дискурса как к коммуникативному феномену. Данный дискурс представляет собой весьма изменчивое и неоднородное явление, поскольку, с одной стороны, соотносится с определенными событиями, с другой же – формируется зачастую уже по прошествии значительного периода времени после окончания этих событий. Кроме того, в историческом дискурсе важную роль играет взгляд на ситуацию, ее интерпретация, которая используется для формирования общественного мнения, что влечет за собой разнообразие жанровой и языковой реализации исторического дискурса.

Сложность и многообразие исторического дискурса связаны с взаимоотношением формирующих его текстов. А.П. Миньяр-Белоручева разделяет их на первоисточники и вторичные тексты. «К первоисточникам, каждый из которых дискурсивен, относятся вербальные памятники, включающие летописи, мемуары, разнообразные документы: реестры, акты, уложения, статуты, постановления, а также газетные и журнальные статьи, памфлеты, листовки, художественные произведения; произведения философов и политиков разных эпох, запечатлевшие факты свершившихся событий ...» [Миньяр-Белоручева http]. Вторичный исторический дискурс создается на основе первоисточников и «классифицируется на научно-исторический и художественно-исторический, дифференцирующийся на прототипичный и индивидуально-авторский» [Миньяр-Белоручева 2015].

Такой подход позволяет предположить, что исторический дискурс находится на стыке различных функциональных стилей и охватывает огромное количество речевых жанров. Это не только дискурс ученых-историков, но и дискурс писателей, журналистов, очевидцев или просто современников исторических событий. Последняя категория коммуникантов в рамках данного типа дискурса представляется наиболее ценной, поскольку зачастую созданные именно ими тексты помогают глубже понять соответствующую историческую эпоху, идеологию того времени, восприятие современниками событий прошлого.

Автобиографическую прозу можно отнести к первичному историческому дискурсу. Находясь на пересечении художественного и публицистического стилей, автобиографические произведения представляют интерес для весьма широкого круга читателей. Следует отметить, что исторический дискурс здесь выходит за рамки институционального общения, «активно проникает в сферу межличностного общения, переходя тем самым в лично ориентированный дискурс» [Плехова 2016: 101].

Дневник, как жанр автобиографической прозы, представляет собой хронологическое изложение событий жизни автора. При анализе дневниковой прозы следует учитывать, в первую очередь, авторскую интенцию. «Любой дневник как синтетическое по своей природе образование является полифункциональным, поскольку авторская установка не остается постоянной на протяжении всего времени ведения дневника, она меняется вместе с автором» [Криволапова 2016]. Если автор живет в эпоху глобальных исторических изменений, то одной из функций дневника неизбежно станет описание исторических событий. В этом случае в дневнике неизбежно происходит репрезентация исторического дискурса.

Целью данной статьи является анализ исторического дискурса в автобиографической прозе. Объектом исследования выступает исторический дискурс. В качестве предмета исследования рассматриваются способы репрезентации исторического дискурса в речевом жанре «дневник». Материалом исследования послужил дневник австрийского писателя и публициста Стефана Цвейга за период Первой мировой войны.

При анализе исторического дискурса в речевом жанре «дневник» следует исходить из характеристик самого жанра. Одной из важнейших жанровых особенностей является имплицитность, которая выражается в частности в недостатке фоновой информации, в данном конкретном случае это «недостаток энциклопедической информации (ссылки на малоизвестные исторические события или упоминания исторических личностей в непривычном контексте)» [Субботенко 2017: 105]. Автор пишет о событиях и фактах современной ему действительности, не

поясняя их, но именно они придают произведению масштаб и дополнительную глубину, расширяют перспективу повествования.

Исторический дискурс в автобиографической прозе имеет две стороны: фактическую и эмоциональную. С одной стороны, речь идет о реальных фактах и событиях, с другой стороны, автор дает их оценку, не всегда заботясь о том, насколько она соответствует реальной действительности. Здесь уместно говорить о логической и эмоциональной оценке. Эмоциональная оценка связана с экспрессией, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи. Логическая оценка есть результат процесса мышления, интеллектуальной деятельности, она базируется на сравнении, противопоставлении, подчеркивании. Логическая и эмоциональная оценки не противопоставлены друг другу, можно говорить «о тесной связи интеллектуальных и эмоциональных процессов человеческой деятельности» [Романова 2008].

В отличие от других сфер существования исторического дискурса, коммуникативной целью автобиографической прозы не является формирование общественного мнения или создание максимально полной картины произошедших событий. Автор может позволить себе высказать свою личную, ничем не подкрепленную, точку зрения, что не свойственно традиционному историческому дискурсу. Это позволяет сделать вывод, что в дневнике исторический дискурс подвергается стилистической модификации, на смену элементам научного стиля приходят элементы стиля публицистики или обиходного общения.

К средствам языковой и речевой реализации исторического дискурса в дневнике С. Цвейга можно отнести:

- изложение и оценку исторических событий;
- исторические реалии, тематическую лексику;
- имена исторических личностей (политиков, военачальников и т.п.).

Рассказ о событиях и их интерпретация представляют собой основной элемент структуры исторического дискурса в жанре «дневник». При этом большое значение приобретает такая характеристика, как модальность уверенности / неуверенности, ср. примеры 1, 2:

Пример 1

1. August 1914

Nachmittags bringt mir Frau Mandl die Nachricht, man habe den Lovcen vergebens gestürmt, ein ganzes Regiment sei zugrunde gegangen. Mir ist grauenhaft zumute bei solchen Nachrichten, mein innerstes Empfinden glaubt nicht an einen Österreichischen Sieg, ich weiß nicht warum. Mir graut für Deutschland, das jetzt mitgerissen wird. Wir sprechen den ganzen Tag über alle Möglichkeiten, Frankreich, England, was werden sie tun, wir müssen alle reden, arbeiten kann man nichts und einberufen sind wir noch nicht.

Пример 2

2. August 1914

Was so entsetzlich ist, ist die gänzliche Abschnürung der Stadt von Nachrichten. Belgrad soll längst genommen sein, keine Zeitung darf aber ein Wort bringen. Dafür schwirren Gerüchte: Poincare ermordet (in Parenthese zu Jaures) Vernichtung von Soldaten – aber entsetzlicherweise für uns alle nie ein frohes freudiges Nachricht. Wahr ist aber die deutsche Kriegserklärung. Was tut England, fragen wir uns alle? Montenegro soll bestochen sein von Italien und doch sollen wir auf der Straße nach Cetinje sein – verbrechend ist dieses Erdrosseln aller Nachrichten, man wird irrsinnig davon.

В записях от 1 и 2 августа 1914 года С. Цвейг эмоционально рассказывает о событиях и настроениях в самом начале Первой мировой войны. Фактическая информация представлена именами политиков, географическими названиями в контексте упоминаемых событий, тематической лексикой (*Kriegserklärung, einberufen, Österreichischen Sieg*). Давая фактическую информацию, сам автор дистанцируется от ее источника, подчеркивает собственную неосведомленность (употребление форм конъюнктива для передачи косвенной речи). В записи от 2 августа ту же функцию выполняет глагол *sollen* в значении ссылки на сторонний источник. Показательно и употребление формы Futurum I, которая тоже косвенно выражает неуверенность в будущих событиях. Лексически модальность неуверенности выражена словами *Gerüchte, Erdrosseln der Nachrichten, alle Möglichkeiten*. Модальность неуверенности, таким образом, преобладает, временная близость к описываемым событиям не является залогом полного и точного представления о них. Уверенность отражена только в одном предложении (*Wahr ist aber die deutsche Kriegserklärung*). При этом недостаточная осведомленность не является препятствием для выражения автором оценки исторических событий. Доминирует эмоциональная оценка, выраженная в языковом плане оценочными прилагательными и наречиями (*entsetzlicherweise, mir ist grauenhaft*), гиперболизацией (*man wird irrsinnig*).

В записях, где модальность неясности уступает модальности убежденности, оценка событий приобретает более логический характер. Присутствует четкая последовательность: обобщенная оценка (1) – изложение событий (2) – конкретизированная оценка (3), ср. пример 3:

Пример 3

7. August 1914

Gute Nachrichten (1). Lüttich zuerst vergeblich, dann erfolgreich von den Deutschen gestürmt (2) – eine Heldentat (3). Und schon haben wir alle wieder Mut. Polen von den Russen geräumt (2) – es scheint Alles prächtig zu gehen (3). Italien ist jetzt unsere Sorge, wäre es mit uns, so stünden wir unbesieglich da. Was wir fürchten ist nur das Gegenteil. Das wäre eine so abgrundtiefe Schmach, wie man sie nie von einem Volke vermuten darf.

Запись носит констатирующий характер. Оценка здесь преподносится как объективный результат, вытекающий из достоверного исторического факта. При этом автор имплицитно подчеркивает, что речь не идет о его личной позиции. Используя личное местоимение первого лица множественного числа, он отождествляет себя со своей страной и с Германией как страной-союзником, намекает, что выражает мнение всех соотечественников. Большую роль играет соотнесение событий с их интерпретацией, выраженное графически при помощи тире. Налицо нереальное сравнение (*eine so abgrundtiefe Schmach, wie man sie nie von einem Volke vermuten darf*) и противопоставление (*Was wir fürchten ist nur das Gegenteil*). Однако внешняя логичность не дает оснований определить данную оценку как объективную. Скорее можно говорить о **коллективной субъективности**, которая является типичной чертой исторического дискурса, поскольку представителям того или иного государства свойственно при оценке исторических событий исходить из интересов своей страны.

Показательным в плане оценки событий является пример 4:

Пример 4

14. Januar 1915

Von Deutschland wieder Gutes. Und etwas Herrliches für Österreich: eine Erdbebenkatastrophe in Italien, in der Nähe Roms. Gestern erst hatte ich in meiner Arbeit dargestellt wie das Erdbeben in Calabrien seinerzeit Ährental während der Krise rettete: das diesmalige ist – leider – geringfügiger, obzwar es auch 30 000 Menschen das Leben gekostet hat und der Materialschade zweifellos ein furchtbarer ist. Etwas mehr – und wir wären die schwerste, die bitterste Sorge losgeworden.

Описываемое событие Цвейг рассматривает через призму исторической ситуации. Италия в Первой мировой войне выступала противником Австро-Венгрии, что и сформировало эмотивно-оценочную интерпретацию такого события, как землетрясение, для Австро-Венгрии в нем видится возможность исправить ситуацию. Откровенность этой записи, граничащая с цинизмом, объясняется, с одной стороны, жанровой особенностью дневника (отсутствие адресата, планов на публикацию произведения). С другой стороны, имеет место подверженность влиянию общественных настроений, которое формируется политиками и СМИ. Слова *die schwerste, die bitterste Sorge* являются интерпретацией чужой оценки, которая воспроизводится автором дневника.

Важным элементом исторического дискурса являются исторические реалии. В автобиографической прозе их использование отчасти ограничено присутствием в жизни автора. При этом даже упоминание вскользь тех или иных реалий создает исторический колорит.

Пример 5

a) 3. September 1914

Ich arbeite jetzt für das *schwarz-gelbe Kreuz* in der Statthalterei.

b) 4. September 1914

Wieder im *Schwarzgelben Kreuz*. Die guten Nachrichten bleiben aus.

Реалия *schwarz-gelbes Kreuz* («черно-желтый крест») служит для названия организации, созданной в Австро-Венгрии вскоре после начала Первой мировой войны с целью оказания помощи инвалидам войны и их семьям. Реалия носит сугубо исторический характер, поскольку ассоциируется с конкретной эпохой и ограничена ее рамками. Примечательно, что автор в своем дневнике использует различные варианты написания данной реалии. Нарушение орфографических норм, в том числе в именах собственных, таким образом, тоже может считаться результатом помещения исторического дискурса в сферу бытовой коммуникации.

Пример 6

1. September 1914

Sedanstag. Plötzlich – niemand weiß woher – die Stadt voll phantastischer Siegesgerüchte. <...> Vor dem Kriegsministerium eine Menge, geladen mit Begeisterung, jeder Officier wird bejubelt, alles fiebert voll Zuversicht.

Реалия *Sedanstag* является отсылкой к более ранним историческим событиям (1870 г.). Праздник, связанный с победой германской армии под Седаном во время франко-прусской войны, отмечался как национальный до 1918 года. Таким образом, данная реалия тоже является маркером конкретной эпохи, но носит более широкий общественный характер. Ее употребление в контексте данной записи автор рассматривает как символичное, связывая со слухами о победах в текущей войне.

Соотнесенность с исторической эпохой возникает за счет такого элемента исторической дискурса, как имена собственные. Антропонимы исторического дискурса можно условно разделить на официальные и неофициальные. Официальные антропонимы включают в себя полное имя, должность или звание, формы этикета, оценочные характеристики [Карамова, Валишина 2017: 31]. Неофициальные антропонимы представляют собой усеченный вариант имени (например, указывается только фамилия) или же прозвища.

Пример 7

a) 2. August 1914

<...> Dafür schwirren Gerüchte: *Poincaré* ermordet (in Parenthese zu *Jaures*) ...

b) 22. September 1914

Leonhardt Adelt (1) vom Kriegspressequartier ist für ein paar Tage zurück. Er erzählt böse Dinge von der Demoralisation <...> Beim Rückzug wurde das Pressequartier beinahe “vergessen” der ganze Troß von 400 Mann

rettete sich mit Müh und Not – auch der Ton übel, “*Auffeles*” (2) – so spricht man jetzt von dem siegreichen Commandanten.

Номинация исторических лиц в приведенном примере обусловлена контекстом автобиографической прозы. В дневнике преобладают неофициальные антропонимы (усеченные номинации), когда речь идет об известных политиках того времени, автор называет только фамилии, опуская имена и не указывая должность или социальный статус. В примере *ба* упоминание имен и якобы связанных с ними событий вторично, оно опирается на внешние источники и отчасти не соответствует действительности. Полные номинации характерны для менее известных личностей. В примере *bb (1)* указаны полное имя военного корреспондента и место его работы. Таким образом, номинация исторических лиц в контексте автобиографической прозы зависит от экстралингвистических факторов. Интересен с лингвистической точки зрения пример *bb (2)*, где фигурирует каламбур, выполняющий экспрессивную функцию. Вероятно, речь идет о прозвище австро-венгерского военачальника Морица Ауффенберга (Moritz Auffenberg), который в первые месяцы войны потерпел крупное поражение и был отстранен от командования. Определение *siegreich* употребляется в ироническом смысле, что создает соответствующую тональность всей записи и позволяет предположить, что прозвище, данное военачальнику в этот период, является уничижительным. Таким образом, налицо групповая оценка, которая исходит не от автора дневника, а опирается на общественное мнение того времени.

Подводя итог, можно констатировать, что исторический дискурс в контексте автобиографической прозы, в частности в речевом жанре «дневник», приобретает специфические характеристики. Среди них, в первую очередь, имплицитность представления фактической информации (исторических событий и фактов). Отчасти она возникает за счет модальности неуверенности при комментировании событий. Важной характеристикой является субъективность оценки, в ряде случаев можно говорить о коллективной субъективности в оценке фактов и исторических деятелей. Таким образом, коммуникативная функция исторического дискурса в автобиографической прозе модифицирована. Максимально достоверное представление событий и их по возможности объективная оценка уходят на второй план, возможно отклонение от исторической действительности. Главным становится отражение влияния этих событий на жизнь отдельной личности и создание исторического фона для основного повествования.

Библиографический список

Карамова А.А. Валишина В.В. Антропонимы в современном политическом дискурсе // News of Science and Education. 2017. Т.5. № 3. С. 31–33.

Криволапова Е.М. Роль авторской интенции в создании дневникового текста [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. №4 (23). URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/023-009_xGOYME1.pdf (дата обращения: 30.09.2019).

Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2015. Т.2. № 2. URL: http://psyjournals.ru/files/76880/langpsy_2015_n2_Minjar-Beloroucheva.pdf (дата обращения: 12.09.2019).

Плехова О.Г. Исторический дискурс: институциональные характеристики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (106). С. 99–105.

Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород, 2008. 309 с.

Субботенко С.С. Проблема декодирования имплицитной информации при переводе дневниковой прозы (на примере дневника С. Цвейга) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 104–107.